

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ¹

Социальная динамика XXI века во всем многообразии своих проявлений составляет процесс формирования новой социальной реальности, который без преувеличения можно обозначить как всеобщий цивилизационный сдвиг. Его содержание в целом складывается из двух процессов: глобализация, представляющая собой становление единой системы мирового социального взаимодействия, и повсеместный переход к отношениям гражданского общества. Глобализация достаточно долго является предметом исследований в большинстве областей социально-экономического и гуманитарного знания и, можно сказать, сложился ее определенный адекватный стереотип в сознании людей. Понятие гражданского общества пока еще находится преимущественно в идеологическом обороте и не стало еще полноценным объектом рационально-научного рассмотрения. Однако сама общественно-историческая практика все больше востребует социально-теоретический анализ данного феномена как сущностной характеристики качественных изменений в цивилизационном развитии. При этом важно еще раз заметить, что содержание отношений гражданского общества должно рассматриваться в контексте глобализации, как ее неотъемлемое условие и результат.

В качестве методологической базы исследований модели гражданского общества предлагается принять следующую исходную посылку:

Суть человеческого способа существования живого состоит в выходе за пределы естественно-природного равновесия, а сам способ

¹ Данная статья является раскрытием тезисов к фундаментальному исследованию оснований гражданского общества в России, опубликованных в предыдущих выпусках Альманаха.

заключается в совместности существования (социальности). Фундаментальный закон социальности состоит в отношении "цель—средство", которое обусловлено тем, что совокупная масса ресурсов, непосредственно и опосредованно расходуемых на осуществление процесса производства, в конечном счете, растет с опережением по отношению к массе получаемых результатов, в силу чего совокупная масса производимых средств жизни не способна заполнить требуемый объем потребления даже при условии его усредненности в уравнивательском варианте распределения, оставаясь всегда меньшей по сравнению с той массой, которая обеспечила бы возможность существования всех участников производства. Поэтому главное содержание социального процесса составляет борьба за существование, выражающаяся в конкурентном соревновании за место в социальном пространстве. Она меняет свои исторические формы, но в ее основе всегда остается насилие с разной степенью опосредованностью в зависимости от конкретных социально-исторических обстоятельств. Такова всеобщая техносоциальная формула общества.

Идеал общественного устройства – абсолютно свободная конкуренция, на основе которой складывается естественная социальная дифференциация. Однако свободная конкуренция между общностями и конкуренция между индивидами внутри общностей, – все это абстрактная модель, иллюзия, не реализуемая на практике утопия в силу действия вышеуказанной техносоциальной формулы. В обществе протекает непрерывная бескомпромиссная борьба за выживание. Необходимость совместной жизни людей на основе борьбы друг с другом при невозможности свободной конкуренции рождает потребность в нормативном регулировании борьбы за существование, в установлении правил, устанавливаемых и поддерживаемых публичной властью, состоящей из особых социальных институтов, охраняющих общественную систему от разрушения. Одновременно необходимость установленной нормативности определяется системностью материально-

технического развития, производственной деятельности. Чем шире эта целостность, тем больше требуется нормативности, содержание которой задается лидирующими элементами системности, а механизм регулирования представлен в лице государства. Государство и право – не результат общественного договора, а результат организующего насилия, меняющего свои исторические формы, но сохраняющего свою насильственную сущность. Государство и право не становятся более или менее гуманными. Единственное, что могло бы отменить организующее насилие, – смерть государства. Но это утопия, потому что иначе неизбежен возврат людей в естественное (животное) состояние.

Вопрос о роли государства в общественной жизни людей следует рассматривать, исходя из приведенного выше исходного тезиса о том, что в обществе нет ничего, кроме совместно живущих индивидов. Следовательно, государство – это орган выражения всеобщей воли, осуществляемого в различных исторических формах. В естественных условиях первобытной жизни источником всеобщей воли является глава общности, представляющий собой социализированную форму вожака животной ассоциации. Цивилизация выработала две основных формы общественного управления – диктатуру и демократию с различными объемами их персонификации, причем важно отметить, что эволюция форм управления, понимаемая в абстрактной модели как движение от единоличной диктатуры к всеобщей демократии, осуществляется сверху вниз, будучи выражением воли господствующих социальных сил, и является обратимым процессом, что означает постоянную возможность превращения демократии в диктатуру в ее крайних формах.

Действительно всеобщая воля совместно живущих индивидов как независимых друг от друга людей объективно охватывает только сферу их безопасности – общую защиту от угрозы извне и индивидуальную защиту от угрозы со стороны других индивидов. Тезис об исключительной роли государства в этой области общественной жизни не подлежит сомнению. Сферы

здравоохранения, образования и культуры государство регулирует в той мере, в какой они не могут обеспечить удовлетворение соответствующей общественной потребности на основе самообеспечения и саморегулирования. В экономике регулирующая роль государства необходима только в областях, формах и объемах, обеспечивающих поддержание внутренней и внешней безопасности, а также компенсирующих недостаточность возможностей в удовлетворении вышеуказанных и других общественных потребностей в рамках саморазвития.

Общность, как целое, предполагает единство понимания, выражающееся в единстве мышления – технического, экономического, политического и т.д. Только на этой основе общность может быть организованным, управляемым целым. Герменевтическое единство общности позволяет ей эффективно взаимодействовать с другими общностями. Так, можно предположить, что в свое время кроманьонцы полностью уничтожили неандертальцев, благодаря тому, что они лучше понимали друг друга и за счет этого были более организованными. Общность тем сильнее, сплоченней, чем больше ее внутреннее взаимопонимание. В частности, национальная идея, как всеми понимаемая (в смысле – принимаемая) идея, обеспечивает совпадение ценностей и целей общности и представляет собой ее герменевтический стержень, превращает общность в единое “мы”, для которых окружающий мир – это среда существования, где к средствам относится не только природа, но и другие общности.

Взаимопонимание в рамках одной веры, одной мифологии и вообще одной формы измененного сознания имеет не столько внутренние позитивные основания, сколько внешние, от противного (в противостоянии другой вере, другим идеалам и вообще другой нормативности). У разных общностей объективно разные интересы и разное понимание бытия.

Общность может сложиться в единое “мы”, если среда позволяет ей выживать в полном объеме, т.е. всем членам общности. Поскольку

природа не может быть достаточным средством полного выживания, постольку общество необходимо дифференцировано, разделено отношением “цель – средство”. Иначе говоря, человечество не может быть единым “мы” во всем объеме человеческого существования, таким оно может оказаться разве что перед лицом некоего космического противостояния.

Внутренняя целостность общности держится на идеологии, вся духовная жизнь общности в концентрированном виде есть идеология, то есть средство борьбы за лидерство в системе отношений с другими общностями. Идеология объективно ориентирована не на истину, не на справедливость, а на получение результата, достижение победы. По своей форме идеология может приобретать самый разный вид: истинная религия (вера), подлинная справедливость, правильная социальная система, великая национальная идея и прочее. Но в целом нормативность в гражданском обществе имеет сугубо рациональный характер и для своего обоснования не требует опоры на какой-либо духовный абсолют. Иначе говоря, гражданское общество по своей сути не нуждается в Боге как идеологическом средстве регулирования общественных отношений. Религия присутствует в нем в качестве чисто формального приложения для условного различения добра и зла.

Более того, культура представляет собой совокупность правил материально-предметного (естественно-природного) бытия людей, а также этических, эстетических и правовых норм общественной жизни, обеспечивающих выживание общности в природном и социальном окружении. Она задает целостную модель общества, предполагающую и тем самым обосновывающую исключительное право общности на существование. Данная исключительность выражается в том, что в модели бытия общности отсутствует и даже гипотетически не рассматривается неизбежность ее исчезновения, в отличие от модели бытия индивидов, необходимо заканчивающегося смертью. Поскольку на существование других общностей эта схема не распространяется, постольку культура всегда выполняет идеологическую функцию. Кроме того, в силу своей иллюзорности

она никогда не утрачивает мифологического и социально-утопического характера.

Геоисторическая формула общности включает в себя в качестве составляющих ее внутреннее и внешнее социальное взаимодействие, то есть показатели внутреннего устройства общности и показатели ее места в системе мировой социальной дифференциации. Соотношение этих составляющих у общностей различно: они могут быть в единстве взаимного дополнения и в своем сложении целостно обнаруживать объективно данные и субъективно выраженные интересы общности, или, напротив, они служат основой раскола общности и не позволяют сформироваться определенному интересу общности (единому общенациональному интересу).

Это означает, что социальная структура общества изначально предполагает наличие двух уровней дифференциации – внутриобщностное и межобщностное отношение господства и подчинения, разделение на цель и средство. Их конкретно-исторические формы и конкретно-личностное содержание (персонифицированное наполнение) меняются вслед за изменением технологического способа жизни. Преобладающей общеисторической характеристикой социального развития современного общества является непреодолимый антагонизм межобщностной социальной дифференциации. При этом внутриобщностная социальная дифференциация определяется местом общности в системе межобщностных отношений, то есть политико-экономическое разделение внутри общности, как правило, имеет в своей основе столкновение разных интересов по поводу вышеуказанных составляющих ее геоисторической формулы.

Развитые страны Запада, либеральные по внутреннему устройству, лидируют в системе мирового взаимодействия. Внутренне они социально дифференцированы, но не расколоты на непримиримые слои. Лидирующим общностям свойственна сглаженная дифференциация и демократизм, поскольку совпадение интересов по вопросу о внеобщностных источниках ресурсов более

значимо, чем их несовпадение по поводу внутрисоциальной организации общности. Общностям–аутсайдерам присущи глубокая социальная дифференциация и автократизм, поскольку в системе межобщностного разделения функций им отведена роль доноров, и борьба за существование внутри общности является главной. По той же схеме строятся внутренние и внешние отношения между мировыми группами лидирующих и отстающих общностей (типа “Север – Юг”).

Восхождение человечества по ступеням прогрессирующего развития осуществляется за счет постоянного интегрирования, объединения общественных систем в более крупные системы. Глобализация является предельным уровнем такой интеграции. Однако процесс глобализации находится на начальной стадии и еще не выявил достаточно полно своих возможностей для перехода на новую ступень общественного прогресса. Материально-технические и производственные предпосылки созрели для этого, но социально общество остается глубоко дифференцированным, и в этом состоит главное противоречие процесса глобализации, разрешение которого можно рассматривать как источник и движущую силу общественного прогресса в настоящее время. При этом речь идет не о преодолении самой дифференциации как таковой (это невозможно в принципе), а о переходе к ее новой исторической форме, предсказать которую невозможно в силу невозможности предсказания обуславливающих ее случайных стечений обстоятельств, которые всегда делают историю непредсказуемой. Ясно лишь то, что современная форма социальной организации общества устарела, объективно она является тормозом общественного прогресса.

При этом следует заметить, что торможение общественного прогресса не следует понимать как замедление движения к какому-то предначертанному состоянию. Никакой предначертанности в общественном развитии нет, и понятие торможения относительно. Понятие скорости движения, называемого общественным прогрессом, означает не приближение к чему-то более совершенному, а удаление

от состояния, уже не позволяющего дальнейшее существование. Прогресс это всегда выход из кризиса, продолжение существования, движение вперед без определенной цели и ориентира.

В обществе должен господствовать порядок, поддерживаемый системой моральных норм и правовых законов, иначе оно погибнет от хаоса. Порядок может поддерживаться коллективно организованной властью (демократией) или централизованной авторитарностью (диктатурой), – они различны в том, что демократия означает всеобщее равенство перед законом, а диктатура частичное, ограничиваемое пределами одной общности, но формально они одинаково должны обеспечивать неукоснительное обеспечение установленного порядка и неотвратимое наказание за его нарушение. Однако диктатура означает противопоставление общества и власти, произвол в реальном исполнении закона, а существующая демократия демонстрирует бессилие в возможности его последовательного и беспристрастного применения.

Становление новой исторической формы социальной организации (новой формы отношения “ цель–средство”) будет результатом не коллективного поиска, а всеобщей бескомпромиссной борьбы за выживание ныне существующих общностей. Современный тип цивилизации обречен, но будет ли она похоронена в рамках апокалиптической глобальной войны, когда новая цивилизация возникнет на ее руинах, как это уже неоднократно было, или новая цивилизация родится в ходе некоего глобального консилиума, – об этом можно только гадать. Несомненно то, что она состоится. Однако ее появление не будет означать достижение счастливого будущего. Поэтому с позиций современности трудно определить – завидовать ли нам грядущим поколениям или сочувствовать им. Но каждый человек становится человеком и живет в свое время – время его жизни, которое по определению самое лучшее, потому что это его время.

В итоге всего сказанного возникает абстрактный вопрос о дальнейшем существовании общества: если оно превратится в одну глобальную систему, то либо окажется в положении рассмотренной

выше модели отдельного хозяйства, заброшенного на необитаемый остров, и угаснет, либо оно перейдет к новой форме социальной дифференциации в виде биологически подкрепляемого глобального разделения на господ и рабов, либо просто расколется заново и выйдет на новый виток чередования исторических стадий. В принципе это уже неинтересно, потому что ничего нового о человеке мы не узнаем, поскольку техносоциальная формула его существования известна, а никакой другой формулы, даже трижды божественной, мы знать не можем, в нее можно только верить.

Классическое понимание гражданского общества, идущее со времен Просвещения, в самом общем виде состоит в противопоставлении государства и всей сферы политической жизни, с одной стороны, а с другой – всех остальных сфер общественной жизни, в которых объединяются и взаимодействуют люди в качестве свободных субъектов деятельности, не имеющей целью насилие и принуждение. Проблемой осмысления и обсуждения здесь является вопрос о приоритетах государства и гражданского общества в их взаимодействии друг с другом. Этот вопрос актуален для условий преодоления авторитаризма и перехода от тоталитарных общества к демократическим и их дальнейшего развития в плане расширения процесса демократизации. В сжатом виде это выглядит как проблема отношения власти и народа, сознающего себя в качестве самостоятельного субъекта социальной жизни.

Гражданское общество по такой модели представляет собой сообщество близких по духу и материальным интересам людей, единых в своем противостоянии государству как некой внешней силе, подчиняющей их и вмешивающейся в их отношения друг с другом. Тогда зачем и кому оно нужно вообще, если это некая внешняя чуждая сила? Если гражданское общество – сообщество друзей, оно способно самостоятельно поддерживать необходимый внутренний порядок и защитить себя от внешних угроз. Даже если государство создается для удобства управления в виде выборного органа, то в чем смысл его противопоставления остальному (гражданскому)

обществу? Разве что в том, чтобы государство не перестало быть орудием в руках всего общества и не превратилось в средство выражения какого-то частного интереса.

Модель гражданского общества, свойственная и как проблема понятная применительно к условиям исторического перехода от сословного авторитарного общества к бессловному, демократическому, теряет свои очертания и проблемное содержание в условиях господства идей либерализма, если ее не ограничивать сферой рудиментов тоталитаризма и не объяснять инерционностью общественного сознания. Ведь, даже монархии в своем большинстве превратились в своеобразные символы гражданского общества.

В современном понимании гражданского общества надо сразу же отвергнуть модель общества в его противопоставлении власти, потому что, во-первых, речь идет об обществе в целом, в единстве всех составляющих его элементов, в том числе и власти, а во-вторых, общество (или народ), как некая совокупность людей, единая в своем противопоставлении власти, не складывается в единую целостность, а представляет собой некую массу, неструктурированную общественность и не обладает необходимым набором признаков для того, чтобы называться обществом в точном смысле этого слова.

Идея гражданского общества вполне актуальна для современности, но она необходимо наполняется новым содержанием, а сама модель гражданского общества обретает новые очертания. Для ее понимания надо уточнить вопрос о происхождении государства по существу, а именно в том плане, что оно не является результатом вынужденного общественного договора с целью предотвращения войны всех против всех. Наоборот, государство скорее продукт этой войны, не успевшей поглотить общество потому, что оно изначально стало орудием подчинения и господства одних людей над другими. Господствующие социальные слои всегда контролируют государство, они сами составляют гражданское общество, удерживая в подчиненном положении остальное большинство. Потому и не просматривается гражданское общество в его современном

понимании в рабовладельческом и феодальном обществах, если пренебречь его подобием в виде чрезвычайно узкого круга свободных представителей господствующих слоев.

Таким образом, модель гражданского общества в его современном понимании появляется тогда, когда насилие, социальное отношение “цель—средство”, перестает быть непосредственным и сословно выраженным, когда оно опосредуется формальным равенством перед законом при отсутствии сословных различий как основания существенных социальных различий.

Гражданское общество воплощает в себе социальную гармонию, которая охватывает, прежде всего, отношения борьбы за существование, а не единства и сотрудничества. Однако эта конкурентная борьба может быть направлена на вытеснение соперников на периферию социального пространства, но не предполагает их уничтожение. Соответственно, понятие социального государства, ориентированного на обязательность всеобщей защищенности людей от угроз их существованию, органично вписывается в модель гражданского общества и не противоречит тезису о фундаментальном характере отношений борьбы за существование, потому что речь идет об устойчивом существовании общества в целом.

В гражданском обществе выбор видов деятельности и составление программ действий подобно решению головоломок, требующих сообразительности, но не связанных с любого рода насилием людей друг над другом. В борьбе есть выигравшие и проигравшие, можно обозначить более сильно – победители и побежденные, но она ведется по общепринятым правилам, соблюдение которых контролируется властью. В гражданском обществе социальные различия между людьми не имеют абсолютных значений с точки зрения возможности выживания. То есть разница мест, занимаемых людьми в социальном пространстве, предполагает такую же разницу в предметном наполнении их жизни, но она не столь существенна в возможности самой жизни как таковой, а тем

более в позитивном ощущении ее ценности. Для удовлетворения жизнью совсем не обязательно стремиться к занятию первых мест, более того, самооценка собственной жизни не требует обязательного сопоставления с другой жизнью.

Модель гражданского общества в ее современном видении предполагает такое общество, где осуществляются гражданские отношения в обществе в целом, когда социальные отношения регулируются установленной системой публичной нормативности, носителем которой может быть только государство как нейтральная сила, стоящая над обществом. Следовательно, само государство стало элементом демократической системы, продуктом гражданских отношений. Проблема здесь в том, как такое государство формировать и обеспечивать его социальную нейтральность внутри общности. В этом плане совершенно неважно, в какой конкретной форме осуществляется эта публичная власть – в лице монарха, президента или парламента. Главное, чтобы была обеспечена всеобщая нормативность, одинаково обязательная для всех членов общества. Одно из обязательных условий поддержания прозрачной системы гражданских отношений состоит в их публичном характере, достигаемом с помощью гласности, приобретающей все большую массовость в информационной среде.

Общество может быть определено как гражданское в том случае, если оно объединяет свободных, не зависимых друг от друга людей. Критерием гражданского общества является такая степень независимости людей друг от друга и их равенства перед законом, при которой в их конкурентных отношениях никто не мог бы безнаказанно воздействовать на других людей вне рамок установленной законом нормативности, и тем более – использовать сам закон в качестве средства борьбы против своих оппонентов. Образно говоря, члены гражданского общества не являются чьими-то подданными.

Таким образом, проблема гражданского общества теперь означает проблему роли и места государства в обществе, а не

отношения гражданского общества к государству, то есть идет не борьба гражданского общества с государством, а борьба внутри гражданского общества за государственную власть. Государство не может получать прибыль из труда своих граждан, оно не может их эксплуатировать. Как известно, повышение эффективности производства достигается снижением издержек и инновациями в их единстве. Государство не может снижать издержки за счет эксплуатации своих граждан. Поэтому в качестве предпринимателя оно изначально уступает частному предпринимателю по эффективности. Государство – предприниматель должно быть конкурентоспособным в области межобщностных отношений (в борьбе за существование с другими общностями), т. е. в военно-промышленной сфере. Основой конкурентоспособности здесь является инновационный характер производства (война инноваций). Это одновременно является источником инновационного развития вообще. Так что вопрос о возможности и необходимости регулирующей роли государства в экономике является принципиальным, но спор по этому вопросу часто имеет схоластический характер.

Однако государство не может быть нейтральным органом власти, принимаемым обществом в целом, оно всегда остается орудием навязывания воли определенной части общества всему обществу и потому является предметом борьбы разных социальных сил. Следовательно, независимо от установленных законом форм смены власти всегда сохраняется возможность непосредственного насильственного решения этого вопроса, вплоть до социальной революции и гражданской войны. Таким образом, гражданское общество не может стать единым, в нем всегда наличествуют два гражданских общества, находящиеся по разные стороны линии власти, одно – сросшееся с властью, другое – стоящее в оппозиции и претендующее на признание себя в качестве подлинно гражданского общества. Такое положение характерно для современной России применительно к так называемой несистемной оппозиции.

Что касается межобщностных отношений, то на данном уровне борьба за существование вообще не поддается какому-либо действительному надобщностному регулированию, и смена мирового порядка неизбежно происходит по результатам военных конфликтов разного масштаба, причем угроза глобального военного столкновения никогда не исчезает. Соответственно, гипотетическая модель мирового гражданского общества, будь то в смысле противопоставления некоему мировому правительству, или установления глобальной системы гражданских отношений, не имеет никаких объективных оснований даже при допущении возможности реальной модели гражданского общества в отдельных странах.

Основной массе членов современного общества, занятым каким-либо видом общественно-полезной деятельности, противостоят (или возвышаются над ней) власть, собственность и преступность, которые не существуют изолированно друг от друга, а всегда в той или иной мере переплетаются. Они представлены конкретными индивидами, заинтересованными в определенных моделях социальной организации, и в обществе нет такой силы, которая могла бы изменить траекторию развития в рамках существующей системы отношений. Это возможно только в процессе революции, когда происходит всеобщая социальная перегруппировка, т. е. когда практически полностью меняется персональный состав власти, осуществляется передел собственности, по характеру и объему определяемый типом революции, а преступность в лице ее крупных представителей легализуется в сфере власти и собственности, а в остальной части вытесняется на периферию общественной жизни. Но революции рано или поздно заканчиваются, и вновь складывается некая устойчивая социальная структура общества с противопоставлением власти, собственности и преступности основной массе людей, занятых в общественном производстве.

Люди пришли к осознанию себя как отдельных индивидов, представляющих собой целые миры. Никто не хочет быть частью, а тем более придатком чужого мира. Возникает борьба на

самоуничтожение, которая не имеет логического завершения и только усиливается. Это движение с нарастающей скоростью к концу, потому что не может продолжаться бесконечно. В частности, современная форма демократии не способна к изменению сложившейся системы общества, которое вошло в кризисное состояние и требует коренного изменения, без чего из кризиса не выйти и не избежать альтернативного выбора между войной и всеобщим хаосом и разбоем.

В рамках абстрактной модели должно сложиться единое целое на основе отношения “цель—средство”, не фиксированного, иначе вечно будут революции, а постоянно меняющегося. Борьба за существование это естественный процесс, подобный движению клеток в живом организме, когда одни отмирают, а другие нарождаются. Необходимо равновесное состояние борьбы всех со всеми, то есть динамичная социальная дифференциация. Вот он, так называемый конец истории, но как будет протекать реальный процесс, никто не может предсказать, здесь главное – знать закон. Соответственно, для формирования полноценного гражданского общества не существует объективных предпосылок, оно всегда будет представлено в виде абстрактной теоретической модели, используемой в идеологическом и политическом противостоянии сил, претендующих на господство в обществе.

Применительно к современной России понимание гражданского общества очень актуально, но главный момент здесь состоит не в том, что она недавно перешла от тоталитарного общества к демократическому, а в том, что она стала демократической, но модель ее социальной организации не вполне сформировалась. Государство недостаточно регулирует отношения с точки зрения неукоснительного соблюдения законности и справедливости. Формирование новой социальной структуры российского общества состоялось, состав основных социальных групп зафиксировался, и каналы для продвижения представителей нижних слоев на верхние уровни социального пространства полностью заблокированы. Стать

новым крупным собственником при последовательном выдерживании принципов законопослушания теперь практически невозможно; вхождение в политику и топ-менеджмент даже при наличии высоких показателей компетентности без личностной поддержки (покровительства) крайне затруднительно и зачастую опасно; аналогичные условия действуют в сфере свободных профессий; жизнь наемных работников определяется волей работодателя; функционирование всякого рода индивидуальных предпринимателей и производителей зависит от властных возможностей и степени корыстолюбия чиновников. Гражданское общество в современной России – это просто люди, предоставленные самим себе, и говорить о реальном становлении гражданского общества, состоящего из лично свободных и независимых друг от друга людей, связанных единым интересом свободы и независимости всей страны в ее включенности в окружающий мир, в данном случае пока еще очень проблематично. Но это тем более необходимо в той мере, в какой необходимо осознание принципиального положения о том, что без обновления большинства сфер общественной жизни у России нет будущего.

В качестве вывода отметим следующее:

Гражданское общество это совокупность свободных друг от друга людей, составляющих в своем единстве нацию. Его сущностной характеристикой является то, что это либеральное общество.

Гражданское общество, как тип общественного устройства, возможно только в господствующей общности, получающей ресурсы жизни из окружающей социальной среды. В качестве примера можно взять Римскую империю, свободное население которой составляло ассоциацию, которую можно рассматривать как вариант гражданского общества.

Применительно к обществу в целом надо признать, что модель гражданского общества представляет собой абстракцию, не реализуемую в реальной действительности. Гражданское общество это миф, социальная утопия.

Все чаще звучащий тезис, провозглашающий конец гуманитарной эпохи, имеет вполне объективные основания, но именно они не позволяют интерпретировать его в сугубо ценностном измерении, как крушение гуманизма вообще. Конец гуманитарной эпохи означает всего лишь развеивание иллюзии о существовании неких надличностных нормативных абсолютов, установление того простого факта, что в обществе нет ничего и никого, кроме совместно живущих индивидов, борющихся за свое существование и объективно заинтересованных в наличии определенных правил, позволяющих избежать хаоса всеобщей войны, ведущей к самоуничтожению. Разумеется, сами эти правила устанавливаются в результате борьбы и провозглашаются победителями от имени и в качестве некоего духовного абсолюта, но не более чем в рамках идеологии